

Сады Японии: от средневековья к публичным пространствам эпохи Мэйдзи

DOI: 10.17323/3034-2031-2024-1-2-36-59

А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
109028, Россия, Москва,
Покровский бул., д. 11
anmesheryakov@hse.ru

Аннотация

Сады в Японии появляются в VII веке н.э. и формируются в соответствии с китайскими геомантическими представлениями. Они не были предназначены для эстетического любования и имели прежде всего утилитарную функцию: защита хозяина дома от вредных влияний окружающей среды (злых духов). Такая функция обеспечивалась «правильной» расстановкой камней и «правильным» расположением водных потоков. Эти правила формулируются в первом дошедшем до нас трактате по садовому искусству «Сакутэйки» («Записи об устройстве садов»), который был написан Татибана-но То-сицуна (1028–1094). Чтобы избежать наведения порчи со стороны других людей, план сада держался в секрете и был известен только хозяину. В период Токугава (1603–1867) князя (даймё) начинают устраивать обширные сады, которые служили показателем их могущества. В них тоже не допускали посторонних, но они приобретают эстетическую функцию, что демонстрируется на примере сада Рикугиэн в Эдо. После революции Мэйдзи (1867–1868) сословная организация общества была отменена и встал вопрос о создании единой японской нации. Учреждение садов нового публичного (западного) типа должно было послужить решению этой задачи. Все типы прежних садов представляли собой модели идеальной природы, а публичные сады были призваны моделировать государственные ценности. В тексте на примере сада Уэно показывается, что публичные сады представляли собой площадку, где власть демонстрировала японцам ценностную картину «современного» государства имперского типа с его упором на концепцию научно-технического «прогресса», призванного обеспечить конкурентоспособность Японии на международной арене.

Ключевые слова: Япония, садовое искусство, «Сакутэйки», Рикугиэн, публичный сад Уэно

ALEXANDER N.
MESHCHERYAKOV

HSE University, 109028, Russia, Moscow,
Pokrovsky Boulevard, 11
anmesheryakov@hse.ru

Для цитирования: Мещеряков А. Н. Сады Японии: от Средневековья к публичным пространствам эпохи Мэйдзи // Журнал ВШЭ по искусству и дизайну / HSE University Journal of Art & Design, 2024. № 2 (2). С. 36–59

japanese gardens: from
the middle ages to public
spaces of the meiji era

Abstract

Gardens in Japan appeared in the 7th century AD and were formed in accordance with Chinese geomantic ideas. They were not intended for aesthetic admiration and had primarily a utilitarian function: protecting the owner of the house from harmful environmental influences (evil spirits). This function was ensured by the “correct” arrangement of stones and the “correct” arrangement of water flows. These rules were formulated in the first treatise on garden art that has come down to us, “Sakuteiki” (“Records on the Arrangement of Gardens”), which was written by Tachibana no Toshitsuna (1028–1094). To avoid curse from other people, the garden plan was kept secret and known only to the owner. During the Tokugawa period (1603–1867), princes (daimyo) began to establish huge gardens, which served as an indicator of their power. Strangers were not allowed inside, but these gardens acquired an aesthetic function, as demonstrated by the example of the Rikugien Garden in Edo. After the Meiji Revolution, the class organization of society was abolished and the goal of creating a unified Japanese nation was posed. The establishment of gardens of a new public (Western) type was supposed to serve to attain this goal. All types of former gardens were models of ideal nature; public gardens were designed to model state values. Using the example of the Ueno Garden, it is shown that public gardens were a specific space where the authorities demonstrated to the Japanese the value picture of a “modern” imperial-type state.

Keywords: Japan, garden art, Sakuteiki, Rikugien, Ueno Public Garden

Научная литература, посвященная японским садам, не поддается учету. В отечественном японоведении также имеются работы на эту тематику¹. Главное внимание в этих работах (как в зарубежных, так и отечественных) уделяется эстетическому переживанию садового пространства или техническим подробностям его устройства, которые обеспечивают его. Подход автора данной статьи отличается от указанного. Мы акцентируем внимание не на эстетике японского сада, которая является по преимуществу мыслительным конструктом XX века, а на тех функциях, которые выполняли сады согласно замыслу их создателей. А эти цели в очень многих случаях были далеки от эстетических. Формат статьи не позволяет рассмотреть в деталях все существовавшие типы садов. Мы видели свою задачу в другом: показать, что сад является проекцией культурно-идеологических конструкций, господствовавших в то или иное время.

Сады-обереги древности и Средневековья

Истоки японского садового «искусства» восходят к глубокой древности. Первые японские сады испытали сильнейшее китайское влияние и появились еще в VII веке — на начальных этапах строительства японской государственности. Как и в других культурных традициях, древние японские сады были предназначены не для эстетического «любования» — они имели своей целью создание идеального пространства, где все составляющие находятся в уравновешенном и гармоничном состоянии, которое благоприятно для человека [Канэко, 2002].

Отношения человека древности и Средневековья с природой характеризуются амбивалентностью. С одной стороны, человек благодарит природу за ее «дары» с помощью регулярно проводимых ритуалов, но с другой — природная стихия страшит, ибо не обладает предсказуемостью, и от нее всегда ожидают каких-нибудь неожиданностей: засухи, тайфуны, землетрясения. Ради их предотвращения тоже проводились соответствующие ритуалы. Для приведения природного хаоса в пригодные для человека условия предпринимались меры как практического (улучшение агротехники, строительных технологий, возведение дамб и т.д.), так и магического свойства. Древние и средневековые источники полны сообщений об обрядах и ритуалах, направленных на обуздание природных стихий [Мещеряков, 2022, с. 14–50].

Такую же «оберегающую» функцию выполнял и сад. Он обладал определенной пространственной структурой, назначением которой была защита человека от различных вредоносных влияний. Это пространство было надежно изолировано от внешнего грозного мира — его неперенной кон-

1 См., напр.: Николаева, Н. С. (1975). *Японские сады*. М.: Изобразительное искусство; Главева, Д. Г. (2009). *Японский сад. Искусство единения с природой и с самим собой* // Человек и культура Востока. Исследования и переводы / сост. и отв. ред. В. Б. Виноградская. М.: ИДВ РАН. С. 61–78; Малинина, Е. Е. (2010). *Духовно-эстетический феномен «сухого» каменного сада в пространстве буддийского храма* / Е. Е. Малинина //

Япония 2010: Ежегодник. М.: АИРО–XXI. С. 178–191; Малинина, Е. Е. (2022). *Символизм и метафора в эстетике прихрамовых садов Кобори Энсю* // Вестник НГУ. Серия: история, филология, т. 21, № 10. С. 102–109; Мостовой, С. А. (2015). *Сады новой и старой столиц в период модернизации Японии конца XIX — начала XX в.* // Россия и АТР, № 4. С. 196–211.

структивной особенностью является наличие ограды. Предполагалось, что сад — это разновидность берега, защищающего человеческое пространство от проникновения туда злых духов и сил. Такие сады устраивали в буддийских храмах, императорском дворце и в частных усадьбах. Центрами садового искусства древности были столицы — сначала Нара (710–784), а затем Хэйан (нынешний Киото), ставший столицей в 794 году.

В соответствии с китайскими натурфилософскими представлениями все сущее подвержено влиянию двух полярных и взаимосвязанных начал — Ян и Инь. Их сочетание определяет ход любых процессов, происходящих в этом мире. Пара Ян-Инь обнаруживает себя в видимых человеку проявлениях: мужское и женское, твердое и мягкое, светлое и темное, холодное и горячее и т.д. На уровне природных объектов Ян — это гора, а Инь — вода. Это находит свое выражение и в устройстве сада, где обязательны камни и галька (горы) и вода (пруд, ручей). Тщательно подобранные растения, кустарники и деревья также выполняли оберегающую функцию. Кроме того, они манифестировали круговращение времен года, плавно сменяющих друг друга. Такая постепенность являлась важнейшим условием благополучного существования человека. Жилище всегда располагалось на севере земельного участка, к югу от него разбивался сад. Древние и средневековые тексты почти ничего не говорят нам о «любовании» садом. И это неслучайно, ибо главное предназначение сада — создание безопасной для человека среды обитания.

Первое дошедшее до нас сочинение по садовому «искусству» восходит к середине XI века. Оно принадлежит кисти аристократа Татибана-но Тосицуна (1028–1094) и называется «Сакутэйки» («Записи об устройстве садов»)². Весь трактат пронизывает идея, что сооружение сада — дело, исключительно важное для хозяина. Предназначение сада состоит в том, чтобы защитить его от вредоносных духов и обеспечить ему долгую и счастливую жизнь. Поэтому так важно расположить все элементы сада правильным образом. «На установку камней существует много запретов. Если нарушить хотя бы один из них, хозяин будет постоянно хворать и в конце концов распрощается с жизнью, а само место придет в запустение и станет обиталищем для демонов и духов». «Нельзя располагать плоские камни, обратив их [концом] на северо-запад. Если сделать так, амбары будут пусты, слуги и скот не войдут в дом». Автор приводит классификацию камней (стоячие, лежащие, большие, малые, одиночные, групповые, убегающие и т.д.) [Сакутэйки, с. 238]. Лежачих (горизонтальных) камней должно быть больше, чем камней вертикальных (Ил. 1).

Ручей не должен течь в северо-западном направлении. В этом случае счастье и удача будут унесены потоком воды. «Ручей следует направить с востока в сторону дома, чтобы он вытекал на юго-западе и уносил вредоносную

2 В своей работе мы пользовались следующим изданием: *Кодай тэсэй гэйдзюцу рон. Сакутэйки*. Токио: Иванами, 1973. С. 223–247.

энергию... В таком случае домашних не постигнет проклятие, они не заболеют кожными болезнями и заразными хворями» [Сакутэйки, с. 238–242].

В небольшом трактате Тосицуны мы насчитали 25 обещаний несчастья, если сад будет устроен некомпетентным человеком ошибочным образом. Соблюдение же правил геомантии приведет к удаче (10 случаев): оно обеспечит здоровье, долголетие, получение достойного ранга и жалованья. Строгие правила касались не только камней и воды, но и растений. Расположение деревьев должно быть согласовано со сторонами света и временами года. Так, сакура и слива, т.е. деревья, ассоциирующиеся с весной, следует сажать на востоке, а клены (их багряные листья соотносятся с осенью) — на западе [Сакутэйки, с. 243–244]. В сочетании с другими растениями это обеспечивает правильное чередование времен года, а это является залогом спокойного и безопасного существования самого человека.

Главная задача устроителя сада — обеспечить условия, при которых четыре божества (охранители частей света) пребывают в состоянии бдительности. В таком случае активируются их оберегающие потенции. Эти условия таковы: водный поток (соотносится с драконом) протекает к востоку от дома, дорога (белый тигр) располагается на западе, пруд (феникс) роется на юге, холм (божественная черепаха) насыпается к северу.

Садовый трактат Тосицуны, равно как и другие имеющиеся в нашем распоряжении средневековые источники, свидетельствует о том, что «садовник» стремится создать не эстетический объект, а изолированное пространство, свободное от губительных для человека флюидов, исходящих из внешней среды. В «дикий» природе почти не имеется мест, которые соответствовали бы геомантическим требованиям безопасности. В связи с этим садовник должен создавать рукотворное пространство из природных элементов, располагая их в соответствии с теоретическими представлениями о защищенной среде человеческого обитания. Иными словами, его целью является строительство «крепости». Он не стремится к «гармонии» с природой, поскольку она враждебна человеку, а преобразует природный хаос под свои экзистенциальные нужды. «Гармония» возможна лишь в этом антропогенном пространстве. При этом садовник должен учитывать не только «всеобщую» теорию геомантии, но и индивидуальные характеристики хозяина: расположение элементов, из которых состоит сад, находится в прямой зависимости от года рождения хозяина. При таком подходе каждый сад обладает уникальным своеобразием, он устроен под конкретного индивида и защищает только его. Это означает также, что смена хозяина ведет к «подгонке» сада под личные характеристики нового хозяина. Таким образом, в подобные сады изначально встроен трансформационный потенциал, они не существуют в первоначальном, раз и навсегда определенном виде. Данное обстоятельство служит большим препятствием для изучения древних и средневековых садов, которые — при сохранении первоначального названия — многократно подвергались переделкам.

Общие принципы японского средневекового сада определялись китайскими геомантическими идеями. Однако аристократы были одновременно

Ил. 1

Сад камней Рёандзи. Из книги «Мияко ринсэн мэйсё дзүэ». 1799

и ревностными буддистами, так что в устройстве садов прослеживается и прямое буддийское влияние. В анонимном садовом трактате «Сансуй нараби-ни якэй дзу» («Горы, воды и равнины», 1466) говорится о таких композициях садовых камней, как «триада будд» и «двухчастная мандала». «Триада» — это высокий камень (сам Будда) в центре и более низкие (два бодхисаттвы) — по бокам. Триада имеет свойство защищать от злых духов. Композиция из двух камней обозначает вселенского будду Дайнити (Вайрочану), давшего рождение всему сущему [Уэхара, 1972, с. 27].

Камни, имеющие буддийские имена, считаются «молельными» — при их осмотре предаются молчаливой молитве и медитации. Во время такого осмотра движение взгляда строго регламентировано: водопад — ручей — молельные камни. Если не соблюдать этой последовательности, то осмотр сада не будет иметь никакого эффекта («ты его не увидел») [Уэхара, 1972, с. 24]. Иными словами, молитвы останутся неисполненными³.

Важной особенностью средневекового сада является то, что он не предназначен для прогулок. Сад находился к югу от дома. Хозяин усаживался на приподнятую над землей веранду и осматривал его (Ил. 2). Таким образом, точка смотрения была фиксированной. Лишь с этой точки взгляду открывалась полная структура сада. Если ты находишься в любой другой точке, тебе она не будет видна и эффект «прозрения» становится невозможен. Кроме того, трактат «Горы, воды и равнины» предупреждает и о прямой опасности гулянья по саду: если человек не знает, как расположены элементы сада, он непременно наступит на сакральный камень, и такое осквернение грозит бедами хозяину. Только он и его ближайшее окружение знают полную «карту» сада и могут передвигаться по нему. Если же такой картой завладеет чужак, он может навести на хозяина порчу. Поэтому карта сада должна держаться от посторонних в строжайшем секрете.

В связи с вышеизложенным становится понятно: важнейшей особенностью сада аристократа являлась его принципиальная закрытость для посторонних. Разумеется, в усадьбе аристократа бывали гости, но это был очень ограниченный круг лиц. Они могли осматривать сад с веранды, но им не позволялось «гулять» по нему (Ил. 3). Озабоченность проблемами защиты сада от стороннего взгляда и чужаков становится особенно понятной, если вспомнить, что XII–XVI века выдались для Японии весьма драматичными. В это время страну сотрясали междоусобные войны, что создавало общую атмосферу подозрительности и страха.

3 О семантике взгляда в японской культуре см.: Главева, Д. Г. (2003). *Традиционная японская культура. Специфика мировосприятия*. М.: Наука.

Ил. 2

Аристократ с веранды своего дома обозревает сад. Из книги «Мияко ринсэн мэйсё дзуэ». 1799

Ил. 3

Сад четырех времен года. Фрагмент рукописного свитка «Урасима Таро». Предположительно рубеж XVI–XVII вв.

Княжеские сады эпохи Токугава (на примере сада Рикугиэн)

В 1603 году Токугаве Иэясу (1543–1616) удалось объединить страну под своим началом — он основал сёгунат Токугава, который просуществовал до 1867 года. Всё это время страна пребывала в мире. Важнейшей особенностью этого периода являлась закрытость страны: немногочисленные торговцы из Голландии и Китая были «заперты» в Нагасаки на острове Кюсю, а выезд из страны был вообще запрещен. Официальной идеологией сёгуната стало конфуцианство. В отличие от буддизма, определявшего эмоциональный строй прошлой эпохи, конфуцианство обладает намного большим оптимистическим зарядом. Один из самых популярных мыслителей токугавского времени — конфуцианский ученый Кайбара Экикэн (1630–1714). Среди его многочисленных произведений обнаруживается и труд под названием «Поучение в радости» («Раккун», 1701)⁴. Подобное сочинение не могло появиться в предыдущий период, когда в обществе господствовали жизнеотвергающие настроения, навеянные как буддийским вероучением, так и жестокими войнами. Новые времена и новая картина мира радикальным образом повлияли и на концепцию сада.

В своей политике сёгунат опирался на князей (даймё). Их насчитывалось более двух с половиной сотен. Одним из самых наглядных проявлений их высокого положения стали сады. Больше всего садов располагалось в Эдо (нынешний Токио). В название многих княжеских садов тоже входит слово «радость». В отличие от прежних садов аристократов из Хэйана это были сады, во-первых, обширные и, во-вторых, лишенные (почти лишенные) религиозных коннотаций (Ил. 4). В то же время следует помнить, что сады прежнего типа не исчезли совсем. И в частных домах, и в буддийских храмах они продолжали выполнять свою миссию по охране хозяйского здоровья и благополучия.

В качестве примера княжеского сада эпохи Токугава можно привести Рикугиэн — «Сад шести стилей японской поэзии». Этот сохранившийся в модифицированном виде сад был устроен на территории обширной усадьбы (1513 000 кв. м) князя Янагисава Ёсиясу (1658–1714). Она располагалась в районе Комагомэ в Эдо. Сооружение сада было закончено в 1702 году. «Шесть стилей японской поэзии» были упомянуты в предисловии к знаменитой поэтической антологии «Кокинсю» (905)⁵. Сам сад — это модель бухты Вака (Вака-но Ура) в провинции Кии (совр. преф. Вакаяма), прославленной японскими поэтами (Ил. 4). 88 элементам сада сам князь присвоил названия, вызывающие ассоциации с теми местами и объектами, которые были воспеты в знаменитых поэтических антологиях и сборниках. К таким объектам относятся камни, горы, холмы, реки, мосты, дороги, деревья

4 Кайбара Экикэн. *Поучение в радости*. Нисикава Дзёкэн. *Мешок премудростей горожанину в помощь* / пер. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 2017.

5 Кокинвакасю. *Собрание старых и новых песен Японии* / пер. А. Долина. М.: Радуга, 1995. Поэтическая антология «Кокинсю» / пер. И. А. Борониной. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

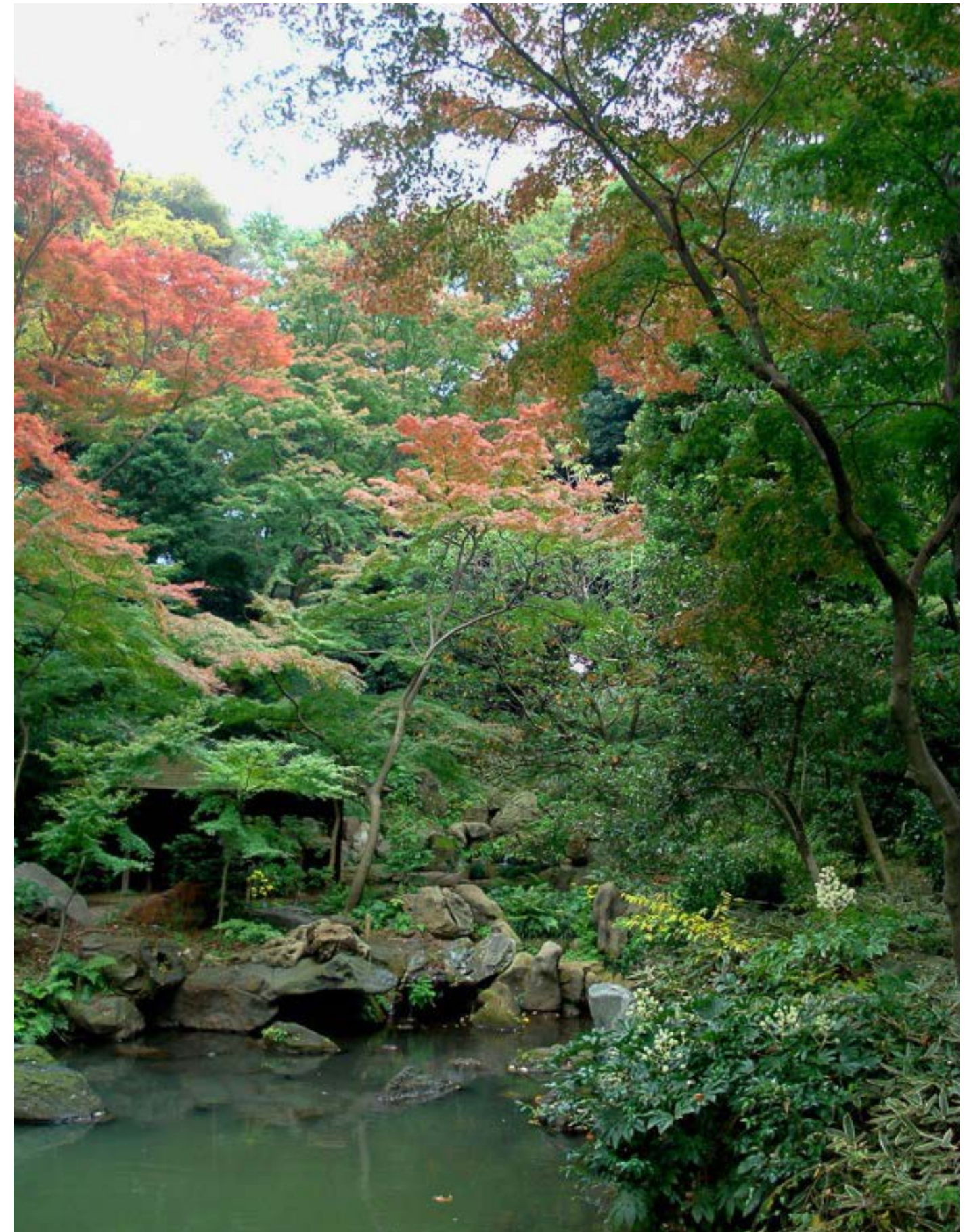

Ил. 4

Сад Рикугиэн (Токио). Пруд и остров.
Фото М. В. Торопыгиной

Ил. 5, 6
Сад Рикугиэн (Токио). Фото М. В. Торопыгиной

Ил. 7
Сад Рикугиэн (Токио). Фото М. В. Торопыгиной

Ил. 8
Сад Рикугиэн (Токио). Светильник.
Фото М. В. Торопыгиной

Ил. 9
Сад Рикугиэн (Токио).
Фото М. В. Торопыгиной

и растения (Ил. 5–9). Часть названий призвана вызвать ассоциации с фундаментальными категориями конфуцианства (например, «место созерцания добродетельности»). Число 88 обозначает бесконечность — бесконечное круговращение четырех времен года⁶.

Концентрация поэтическо-природных смыслов на территории сада была призвана соединить современность и ту далекую древность, когда создавался поэтический канон. Сад должен был оставлять такое же сильное впечатление, как если бы ты побывал в знаменитых местах, известных по древним стихам и живописным свиткам. Размеры сада не позволяли окинуть его одним взглядом, как это было возможно в садах хэйанских аристократов. Княжеские сады предполагали прогулки по предусмотренному хозяином маршруту, когда шаг за шагом многообразие опоэтизированной природы открывается пешеходам и зрителям. Таким образом, княжеский сад был предназначен для любования и обладал эстетической функцией, представлял собой хранилище культурного наследия. Считывать заключенные в саде смыслы мог только человек, владеющий соответствующим культурным (прежде всего поэтическим) багажом. В качестве зрителей выступали приглашенные князем избранные лица, но, как и прежде, сад был огорожен высокой глинобитной стеной, и «обычные» жители Эдо могли лишь догадываться, что находилось за ней.

Публичный сад Уэно как модель имперского пространства

Общество эпохи Токугава было основано на фрагментации, сословные перегородки были высокими и прочными. Сёгунат придерживался принципа «Разделяй и властвуй». Однако в результате «революции Мэйдзи» (1867–1868) сёгунат был свергнут, к власти пришли реформаторы, которые были убеждены: без создания мощного современного государства Япония обречена на то, чтобы стать колонией какой-нибудь западной державы. Реформаторы отменили ограничения на связи с Западом, стали проводить всеобъемлющие реформы. Их знаменем выступил император Мэйдзи. Он ничего не решал, но реформы проводились от его имени. Одной из их основных целей стало создание единой японской нации. В противном случае страна не смогла бы дать отпор западным притязаниям. Сословия отменили, все обитатели японского архипелага оказались просто «японцами». Новое правительство придерживалось принципа «Соединяй и властвуй».

Пересмотру подлежали фундаментальные ценности японской культуры. Осмысление пространства тоже претерпело коренные изменения. При сёгунате Токугава Япония являлась закрытой и изолированной от мира страной, которая не стремилась к расширению своего жизненного пространства. Современная пространственная модель была рассчитана на экспансию, ибо

⁶ Разбор символики сада Рикугиэн см.: Торопыгина, М. В. (2017). Янагисава Ёсиясу и его «Записи о саде Рикугиэн» («Рикугиэнки») // Осмысление природы в японской культуре / отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: Дело. С. 115–166.

Ил. 10

Тоёхара Тиканобу. Император Мэйдзи любит цветение сакуры в парке Уэно. 1888

Ил. 11

Утагава Хиросигэ III. Император Мэйдзи вместе с семьей на прогулке в парке Уэно. 1881

Япония вступила в обширный мир, правила в котором определялись западными странами, соревновавшимися друг с другом в борьбе за приобретение все новых и новых территорий. Япония присоединилась к ним.

Княжеские сады оставались закрытыми для простонародья. В японских городах вообще отсутствовали площадки для многочисленных соборий, где японцы могли бы преодолевать сословные барьеры. «Толпу» можно было увидеть только в буддийских храмах и синтоистских святилищах, куда по праздничным дням стекались верующие. Однако структура храмового пространства моделировала идеальную природу и вселенную и не имела непосредственного отношения к государству. Нынешнее же государство демонстрировало свою открытость, оно хотело быть видимым, мобилизовать максимальное количество японцев для выполнения имперских задач. Наряду с созданием городских площадей (главной из них являлась площадь, устроенная перед императорским дворцом в Токио) учреждение садов нового публичного (западного) типа стало одной из важнейших задач по преобразованию традиционного типа пространства.

Режиму Токугава идея консолидации населения представлялась абсолютно чуждой. Его политика исключала публичность, встречи руководителей государства с «народом» исключались, и чем более высокое положение занимал чиновник, тем тише он говорил. Его непосредственной аудиторией становился не многочисленный «народ», а ближайшие подчиненные. Однако для создания нарождающейся нации были абсолютно необходимы площадки, где могла бы осуществляться коммуникация власти с народом — они давали возможность испытывать чувство единения между всеми подданными императора Мэйдзи.

В 1873 году было обнародовано правительственное распоряжение о создании первого публичного сада на токийском холме Уэно. Сад открыли в 1876 году, он предназначался для самой широкой публики.

Выбор места для устройства сада оказался обусловлен самыми серьезными символическими соображениями. В Уэно располагался огромный буддийский храм Канъэйдзи, в котором находились усыпальницы сёгунов Токугава. После падения сёгуната его стали винить за то, что практиковавшаяся им политика изоляционизма привела к отсталости Японии. Публичный сад ассоциировался с «прогрессом», и его вызывающее расположение впритык к усыпальницам прежних властителей свидетельствовало о победе над косностью и ретроградством.

Другим важным соображением в пользу Уэно стало то обстоятельство, что многочисленные сакуры, росшие на территории храмового комплекса, издавна привлекали к себе обитателей Эдо во время весеннего цветения (Ил. 10). В обычное время Канъэйдзи был закрыт для простолюдинов, но во время цветения сакуры его ворота распахивались. В правительственном распоряжении 1873 года говорилось: именно такие традиционно посещаемые места следует превратить в «публичные сады». В качестве рекомендуемых локаций назывались несколько буддийских храмов и синтоистских святилищ (последние к этому времени подверглись сильнейшему буддийскому влиянию

Ил. 12

Утагава Хиросигэ III. Торгово-промышленная выставка в парке Уэно

и в значительной степени ассоциировались с буддизмом). Прежде всего потому, что буддизм в это время стал синонимом отсталости Японии. Однако страна приступала к модернизации (вестернизации). Поэтому наднациональное буддийское пространство следовало преобразить в пространство, приспособленное для решения государственных (национальных) задач. Прежняя культура была сословной и закрытой, ее идеалом было следование дорогой предков, она не ставила перед собой задач по «развитию», но нынешней культуре предстояло стать открытой, динамичной и доступной для всех японцев. Публичный сад предоставлял прекрасные возможности для реализации этих целей.

О важности публичного сада Уэно в картине мира тогдашней Японии говорит следующий факт. На церемонию открытия сада в конном экипаже прибыл сам император Мэйдзи (Ил. 11). Источники сообщают, что «погода стояла ясная, народ клубился облаками». Появление императора перед своими многочисленными подданными было огромным новшеством. Раньше он постоянно пребывал в своем дворце и лицезреть его могли только самые приближенные придворные. В момент основания сад находился в управлении Министерства внутренних дел, но с 1886 года перешел в ведение императорского двора. Это означало, что сад Уэно получил статус главного сада страны.

Правительство было серьезно озабочено физической формой и состоянием здоровья японцев. Ни то, ни другое не считалось удовлетворительным, а стране для выполнения великих задач по превращению Японии в мировую державу были нужны крепкие люди. В правительственных документах подчеркивалось: прежние развлечения японцев имели интерьерный и пассивный характер (просмотр театральных представлений, настольные игры, питье чая во время чайной церемонии или же саке в кабаке), что привело к физической слабости японцев [Оно, 2003, с. 16, 35]. Именно поэтому они неспособны конкурировать с европейцами в экономике и военном деле. В связи с этим государство прилагало огромные усилия для повышения двигательной активности японцев. Сам император Мэйдзи подал пример и занялся конной ездой, хотя прежние поведенческие каноны лишали императора функции движения. В 1884 году он присутствовал на открытии ипподрома, сооруженного рядом с холмом Уэно. Ипподром с его несущимися лошадьми (они были вывезены с Запада, ибо японские были слишком слабосильными) символизировал новую передовую страну с передовой армией и сильной кавалерией. Территория сада Уэно предоставляла прекрасные возможности для мотомона, занятий физкультурой и спортом.

Традиционные сады тоже предназначались для охраны здоровья — «правильная» расстановка камней, «правильное» направление водных потоков были призваны обеспечить здоровье и долголетие, благополучие, защитить от вредоносных духов и флюидов. Но это касалось только хозяев сада. Защитная функция современных публичных садов распространялась уже на всех японцев, она обосновывалась с помощью языка передовой западной медицины, которая была убеждена в том, что двигательная активность и пре-

бывание на свежем воздухе сохраняют здоровье нации. На манер западных садов японские публичные сады стали называть «городскими легкими».

Помимо сохранения здоровья сад Уэно предназначался и для пропаганды тех ценностей, в которые верило новое государство. Одной из основных задач тогдашней Японии стало приобщение к научно-промышленным достижениям западной цивилизации. Саду надлежало стать символом прогресса.

21 августа 1877 года в парке Уэно открылась первая промышленная выставка (Ил. 12). На церемонии открытия присутствовал и сам Мэйдзи. Он зачитал указ, в котором знание уподоблялось солнцу, а мастерство — луне. Солнце и луна были привычными символами полноты бытия и могущества власти, с древности на парадных одеждах императора присутствовали изображения этих светил. Министр внутренних дел Окубо Тосимити (1830–1878) конкретизировал слова императора: он заявил, что выставка будет способствовать распространению передовых технологических знаний и послужит процветанию страны. Таким образом, сад превратился в место, где собирались толпы народа, перед которыми можно и нужно говорить громко.

По поводу открытия выставки правительство выпустило обращение: цель выставки — отнюдь не развлечение, а постижение законов производства и торговли [Сюнъя, 2001, с. 124]. В связи с этим никаких аттракционов для многочисленной публики предусмотрено не было. Зато в экспозиции были представлены тогдашние достижения передовой науки и техники: часы, промышленное оборудование, различные приборы.

Промышленные выставки проводились в Уэно еще два раза — в 1881 и 1890 годах. На выставке 1881 года изумленным посетителям продемонстрировали первую электрифицированную железную дорогу. Ее протяженность составляла всего 400 метров, но она явилась зримым показателем движения и прогресса, к которому стремилась страна. Выставку 1890 года приурочили к двум важным событиям: очередной годовщине восшествия мифического первоимператора Дзимму на трон и очередному цветению сакуры [Нихондзин, 1890, с. 12–13]. Таким образом, сад Уэно получал многомерность: в нем соединялись историко-государственные, человеческие и природные смыслы.

Сад Уэно «откликался» на самые значимые события в государственной жизни. Провозглашение Конституции (1889), победы в войнах с Китаем (1895) и Россией (1905) сопровождались проводившимися там торжественными мероприятиями (митинги, шествия, выставки). Возле пруда Синобадзу организовали экспозицию оружия, захваченного в китайской войне. Этот пруд, первоначально устроенный при буддийском храме, был знаменит своими лотосами и мирными карпами. Теперь он превратился в арену для демонстрации воинского духа нации.

Традиционная японская архитектура была деревянной. Теперь настала очередь кирпича, символизировавшего прогресс. На территории сада Уэно возвели капитальные кирпичные строения: императорский музей (1882), императорскую академию наук (1882), токийскую музыкальную школу (1887), ассоциацию искусств (1888), токийскую художественную школу (1889), им-

ператорскую библиотеку (1906), токийский художественный музей (1926). В отличие от традиционного сада публичный сад Уэно устраивался не сразу, и список строящихся на его территории зданий был открытым. В саду проводилось множество выставок — промышленных, сельскохозяйственных, художественных. С течением времени он все больше терял свою оздоровительную (прогулочно-физкультурную) функцию, главной становилась функция просветительно-воспитательная, а зеленые насаждения оставались лишь приятным фоном, способствующим усвоению информации. Ее содержание определялось государством.

Новое садовое пространство стало структурироваться и при помощи памятников — явление ранее абсолютно неизвестное. При входе в парк возвышалась бронзовая статуя Сайго Такамори (1827–1877), признанного в декабре 1898 года образцовым воплощением японского самурайского духа. В 1912 году в парке установили и бронзовую конную статую принца Комацу-но Мия Акихито (1846–1903), известного своими военными свершениями. Государство «метило» садовое пространство самыми разными способами. С помощью этих меток оно воспитывало японцев в соответствии с важными для функционирования государства ценностями.

Идея традиционного сада заключалась в демонстрации двух фундаментальных начал — неизменности основ мироздания (камень и вода) и его изменчивости (растения). Каменные здания Уэно обладали имперской прочностью, их внутреннее наполнение (экспонаты) демонстрировало подвижность и подлежало постоянной ротации, реагируя на контролируемый государством событийный ряд. Камни традиционного сада были необработанными, каменные сооружения и бронзовые памятники Уэно были целиком произведением человеческих рук. Поэтому современное садовое пространство не столько моделировало природный порядок, сколько создавало порядок человеческий, интерпретируемый как государственный и имперский. Традиционное представление об отношениях человека с природой заключалось в том, что человек должен приспосабливаться к ней. Однако теперь верх взяла западная идея о покорении человеком природы и пространства. Эта идея была выявлена в Уэно в полной мере.

Сад, который в японской культуре привычно ассоциировался с покоем, умиротворенностью, долгожительством, защитой от вредоносного и враждебного пространства, после революции Мэйдзи приобрел совсем другие функции. Его природа стала иной, она лишилась собственного независимого бытия и превратилась в декорацию. Теперь сад воплощал не основы мироздания, а государство и человека, являвшегося придатком государства. Это был не прежний закрытый для посторонних сад, это был сад отца нации — императора, в который он милостиво и гостеприимно приглашал своих «детей». Он призывал их приходить в сад целыми семьями, чтобы они напитались светом новой цивилизации. Сад Уэно представлял собой пространство, изоморфное пространству японской империи. В таком саду главным элементом оказывалась не собственно природа, а те знаковые сооружения, которые обрамлялись зелеными насаждениями.

Заключение

Японские сады прошли длинный путь эволюционных преобразований. В своих истоках смысл садового «искусства» заключался в том, чтобы создать для хозяина сада такое пространство, которое было бы защищено от проникновения туда вредоносных духов. Эта задача решалась прежде всего с помощью понятийного аппарата китайской геомантии. Руководствуясь этими представлениями, камни, ручьи и пруды располагали в соответствии с жесткими правилами. Только такой сад мог служить надежным оберегом. В саду могли быть установлены и камни, имеющие буддийские названия. Их созерцание должно было обеспечить исполнение молитв. Принципиальной особенностью таких садов является их закрытость для посторонних лиц. Это свойство сохраняется и в обширных княжеских садах эпохи Токугава. Однако если сады более раннего времени предназначались не для прогулок, а для созерцания, то княжеские сады предполагали двигательную активность. В таких садах моделировались знаменитые пейзажи, которые открывались зрителю по мере следования по определенному маршруту и должны были вызвать поэтические ассоциации. Такие сады, безусловно, обладали и эстетической функцией.

Сады, предназначенные для широкой публики, появляются только после революции Мэйдзи. В это время ставится задача по созданию единой японской нации и современного государства. В решении этой задачи значительную роль играли публичные сады. Это было пространство, в котором перемешивались и общались все японцы вне зависимости от их социального положения, возраста, пола, места рождения. Кроме того, там в концентрированной форме были явлены государственные идеалы того времени. Публичные сады предназначались для возвращения физически здоровых японцев, которые разделяли бы идеи прогресса и верноподданничества.

Библиография

Главева, Д. Г. (2003). *Традиционная японская культура. Специфика мировосприятия.* М.: Наука.

Главева, Д. Г. (2009). *Японский сад. Искусство единения с природой и с самим собой* // Человек и культура Востока. Исследования и переводы / сост. и отв. ред. В. Б. Виноградская. М.: ИДВ РАН. С. 61–78.

Кайбара, Э. и Нисикава, Д. (2017). *Поучение в радости. Мешок премудростей горожанину в помощь* / пер. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион.

Канэко, Х. (ред.) (2002). *Кодай тэйэн-но сисо. Синсэн сэкай-э-но докэй (Идеология древнего сада. Ностальгия по миру даосских бессмертных).* Токио: Кадокава.

(1995) *Кокинвакасю. Собрание старых и новых песен Японии* / пер. А. Долина. М.: Радуга.

Малинина, Е. Е. (2010). *Духовно-эстетический феномен «сухого» каменного сада в пространстве буддийского храма* // Япония-2010. Ежегодник. М.: АИРО–XXI. С. 178–191.

Малинина, Е. Е. (2022). *Символизм и метафора в эстетике прихрамовых садов Кобори Энсю* // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 21, № 10. С. 102–109.

Мещеряков, А. (2022). *Япония. В погоне за ветром столетий.* М.: Лингвистика.

Мостовой, С. А. (2015). *Сады новой и старой столицы в период модернизации Японии конца XIX — начала XX в.* // Россия и АТР. № 4. С. 196–211.

Николаева, Н. С. (1975). *Японские сады.* М.: Изобразительное искусство.

Сакутэйки / Кодай тусэй гэйдзюцу рон. Токио: Иванами. С. 223–247.

(1890). *Нихондзин.* № 44.

Оно, Р. (2003). *Коэн-но тандзё.* Токио: Ёсикава кобункан.

(2005) *Поэтическая антология «Кокинсю»* / пер. И. А. Борониной. М.: ИМЛИ РАН.

Уэхара, К. (ред.) (1972). *Сансуй нараби-ни якэй дзу, Сакутэйки.* Токио: Касима сётэн.

Сюнъя, Ё. (2001). *Хакуранкай-но сэйдзигаку* (Политическая подоплека выставок). Токио: Тюо коронся.

Торопыгина, М. В. (2017). *Янагисава Ёсиясу и его «Записи о саде Рикугиэн» («Рикугиэнки»)* // Осмысление природы в японской культуре / отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: Дело. С. 115–166.

Список иллюстраций

Ил. 1. Сад камней Рёандзи. Из книги «Мияко ринсэн мэйсё дзуэ». 1799

Ил. 2. Аристократ с веранды своего дома обозревает сад. Из книги «Мияко ринсэн мэйсё дзуэ». 1799

Ил. 3. Сад четырех времен года. Фрагмент рукописного свитка «Урасима Таро». Предположительно рубеж XVI–XVII вв.

Ил. 4. Сад Рикугиэн (Токио). Пруд и остров. Фото М. В. Торопыгиной

Ил. 5. Сад Рикугиэн (Токио). Фото М. В. Торопыгиной

Ил. 6. Сад Рикугиэн (Токио). Фото М. В. Торопыгиной

Ил. 7. Сад Рикугиэн (Токио). Фото М. В. Торопыгиной

Ил. 8. Сад Рикугиэн (Токио). Светильник. Фото М. В. Торопыгиной

Ил. 9. Сад Рикугиэн (Токио). Фото М. В. Торопыгиной

Ил. 10. Тоёхара Тиканобу. Император Мэйдзи любитется цветением сакуры в парке Уэно. 1888

Ил. 11. Утагава Хиросигэ III. Император Мэйдзи вместе с семьей на прогулке в парке Уэно. 1881

Ил. 12. Утагава Хиросигэ III. Торгово-промышленная выставка в парке Уэно

References

Glaveva, Diana (2003). *Tradicionnaya yaponskaya kultura. Specifika mirovospriyatiya* [Traditional Japanese culture. Specificity of worldview]. Moscow: Nauka. [In Russ.]

Glaveva, Diana (2009). *Yaponskij sad. Iskusstvo edineniya s prirodoj i s samim soboj* [Japanese garden. The art of unity with nature and with oneself] // Chelovek i kultura Vostoka. Issledovaniya i perevody. / Edited by V. B. Vinogradskaya. Moscow: IDV RAN. Pp. 61–78. [In Russ.]

Kaibara, Ekken & Nishikawa, Joken (2017). *Pouchenie v radosti. Meshok premudrostej gorozhaninu v pomosh* [Teaching on Joy. Townspeople’s Sack of Wisdom] / Translated by A. N. Meshcheryakov. Saint Petersburg: Giperion. [In Russ.]

Kaneko, Hiroyuki (ed.) (2002). *Kodai teien no shisō: shinsen sekai e no dōkei.* Tokyo: Kadokawa.

(1995). *Kokinvakasyu. Sobranie staryh i novyh pesen Yaponii* [Kokin Wakashu. Collection of old and new songs of Japan] / Translated by A. Dolin. Moscow: Raduga. [In Russ.]

Malinina, Elizaveta (2010). *Duhovno-esteticheskij fenomen “suhogo” kamennogo sada v prostranstve buddijskogo hrama* [Spiritual-aesthetic phenomenon of “dry” stone garden in the pro-space of the Buddhist temple] // Yaponiya 2010. Ezhegodnik. Moscow: AIRO–HHI. Pp. 178–191. [In Russ.]

Malinina, Elizaveta (2022). *Simvolizm i metafora v estetike prihramovyh sadov Kobori Enshū* [Symbolism and metaphor in the aesthetics of Kobori Enshū temple gardens] // Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya. Vol. 21, № 10. Pp. 102–109. [In Russ.]

Meshcheryakov, Alexander (2022). *Yaponiya. V pogone za vetrom stoletij* [Japan. Chasing the wind of centuries]. Moscow: Lingvistika. [In Russ.]

Mostovoj, Sergei (2015). *Sady novoj i staroj stolic v period modernizacii Yaponii konca XIX — nachala XX v.* [Gardens of the new and old capitals in the period of modernization of Japan in the late XIX — early XX century] // Rossiya i ATP. № 4. Pp. 196–211. [In Russ.]

Nihonjin (1890). № 44.

Nikolaeva, Natalia (1975). *Yaponskie sady* [Japanese gardens]. Moscow: Izobrazitelnoe iskusstvo. [In Russ.]

Ono, R. (2003). *Koen no tanjo.* Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan.

(2005) *Poeticheskaya antologiya “Kokinshu”* [Poetic anthology “Kokinshu”] / Translated by I. A. Boronina. Moscow: IMLI RAN. [In Russ.]

Sakuteiki / Kodai chusei geijitsuron. Tokyo: Iwanami. Pp. 223–247.

Shunya, Yoshimi (2001). *Hakurankai no seijigaku.* Tokyo: Chuo koronsha.

Toropygina, Maria (2017). *Yanagisawa Yoshiyasu i ego “Zapisi o sade Rikugien” (“Rikugienki”)* [Yanagisawa Yoshiyasu and his “Records of Rikugien Garden” (“Rikugienki”)] // Osmyslenie prirody v yaponskoj kulture / Edited by A. N. Meshcheryakov. Moscow: Delo. Pp. 115–166. [In Russ.]

Uehara, Keiji (1972). *Sansui narabini yakeizu, Sakuteiki.* Tokyo: Kajima Shoten.